

УДК 327.57(533)

Мухаммед Абдул Басет

аспирант кафедры международных отношений

Института социальных наук Одесского национального университета имени

И. И. Мечникова, к. 32, Французский бул., 24/26, г. Одесса, 65058, Украина,

тел: 38 (0482) 63-32-59; 80674832034

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ АРАБСКИХ СТРАН

Статья посвящена внешней политике арабских стран, формированию их главных концептуальных основ в контексте принципов ислама. Автор указывает на необходимость более детального изучения влияния религиозного фактора на внешнюю политику арабских стран.

Ключевые слова: религиозный фактор, внешняя политика, ислам, арабские страны.

Еще в недавнем прошлом роль религии в политике — особенно внешней — зачастую не принималась во внимание. Однако сегодня большинство исследователей международных отношений и внешней политики государств приходят к выводу, что религиозный компонент просто невозможно игнорировать. “Тот факт, что в век культурного переворота, экономической глобализации и стремительного технологического развития религиозные догмы и основанные на вере институты будут играть могущественную роль в формировании международного порядка, может быть, еще не получил статус общепринятой истины, но, по крайней мере, стал неоспоримым”, — считает профессор религии и международных отношений Джорджтаунского университета Джон Эспозито [1, с. 19].

В поисках объяснения нестабильности и новых угроз, с которыми сталкивается мировое сообщество в постконфронтационную эпоху, исследователи и политики на Западе все чаще обращаются к “исламской угрозе”. В дальнейшем этот страх нашел выражение в концепции “столкновения цивилизаций” [2] и в соответствующих призывах к защите от исламских радикалов, угрожающих безопасности и ценностям либеральной демократии и глобального капитализма. Основой всех этих аргументов служит утверждение, что распространение ислама как религии влечет за собой рост транснациональной исламской идентичности, которая способна мобилизовать исламский мир против Запада, секуляризма, либеральной демократии и модернизации в целом.

Вопрос о роли религии в международных отношениях и об “исламском факторе”, в частности, день ото дня привлекает к себе все больше и больше внимания. Тем не менее основная часть этого внимания уделяется исследованию международной и региональной деятельности исламистских группировок, действующих под знаменами ортодоксального толкования выборочных сур из Корана. В то же время, по нашему мнению, недостаточно

освещен вопрос официальной внешней политики, проводимой исламскими государствами, так как именно они, представляя интересы всего народа, а не радикалы, представляющие незначительную его часть, гипотетически могли бы стать инициаторами “столкновения цивилизаций”.

Исходя из этого, целесообразным представляется рассмотрение в рамках данной статьи некоторых аспектов роли религиозного фактора во внешней политике мусульманских стран. Это позволяет осмыслить отдельные методологические подходы при исследовании проблемы безопасности и сотрудничества на Ближнем Востоке и определить в этом процессе роль арабских стран.

Проблема влияния ислама на внешнюю политику арабских стран нашла отражение в научной литературе как западных, российских, украинских авторов, так и арабских исследователей. Так, к наиболее интересным работам российских авторов стоит отнести монографии Вальковой Л. В. [3], Васильева А. М. [4], Кудрявцева А. В. [5], Малышевой Д. Б. [6], Сапроновой М. А. [7], Сулимовой Т. С. [8]; сборники статей, посвященные “исламскому фактору” в международных отношениях и в политике государств Ближнего Востока под. ред. Н. О. Оганесян и Л. Р. Полонской [9], а также научные и публицистические статьи таких авторов, как Белокреницкий В. Я., Борисов А. Б., Касаткин Д. П., Мелихов И. А., Мелкумян Е. С., Мирский Г., Пырлин Е. Д., Ушакова В., Фадеевой И., Яковлева А. и др. Среди украинских авторов особо хотелось бы отметить работу Коппель О. А. [10]. Полезный вклад в рассмотрение данной проблемы внесли работы таких западных исследователей, как Дэвид Такер, Эрик Руало, Грахам Фюллер, Джиллиан Шведлер, Джон Эспозито, Милтон Вайорст, Патрик Смит, Рэй Таки. Арабский вклад в исследование данной темы представлен работами таких авторов, как Абдулазиз Захедин, Ахмед Рашид, Фатхулла Гулин, Мустафаа ас-Сайид, Наваф Обейда, Салва Исмаил и др. Определённый вклад в рассмотрении данной проблематики внесли также работы американского исследователя арабского происхождения Фуада Аджами.

Ислам — самая поздняя по времени возникновения мировая религия, которая очерчивает рамки особой общины (Уммы), её исповедующей. Центральное место в жизни этой общины занимает в высшей степени формализованное богослужение, совершаемое пять раз в день. Богослужение является одним из пяти символов веры, каждый из которых описывается в Коране [12, с. 7].

Международное общение в соответствии с концепцией исламского правопорядка подразделяется на несколько видов. Наибольшее внимание уделяется регулированию правоотношений с соседними государствами и состоянию мира и войны. В основе этих правоотношений лежит разделение мира на различные группы стран. Так, Дар аль-Ислам (Мир Ислама) — это страны с исламской формой правления. Территории считаются родиной каждого мусульманина независимо от его национальности или места рождения. Защита Мира Ислама считается священным долгом мусульманина.

Дар аль-Харб (Мир Войны) — в эту группу входят государства различных типов. Мир Войны — это территория, откуда исходит реальная угроза мусульманам или ожидаются враждебные действия.

Дар аль-Агд (Мир Договора) — территория, над которой мусульмане не установили свой контроль, причем район Мира Договора расположен в самом исламском государстве, где ряд правителей заключают соглашения (договоры) с немусульманскими сообществами. В соответствии с договорами исламское государство обеспечивает выполнение обязательств данных договоров этими сообществами. Взамен мусульмане обязуются защищать и покровительствовать этим сообществам.

Особое место в механизме регулирования международного общения занимают договоры и соглашения. В функции договоров о торговле входит регулирование торгового обмена между мусульманами и немусульманами. Практика заключения таких договоров широко используется для распространения ислама в Юго-Восточной Азии и на востоке Африки [13, с. 102]. Каждый договор или соглашение, заключенные с участием исламского государства, должны быть поддержаны нормами традиционного исламского права в форме “фетве” (заключение по вопросу толкования общих принципов шариата), которые определяются мусульманскими религиозно-правовыми научными центрами.

Следует отметить, что в международно-правовых доктринах ислама особое внимание уделяется проблеме прав человека, которые нашли свое выражение в ряде документов, разработанных исламскими организациями, включая Всеобщую исламскую декларацию прав человека 1981 г., Каирскую декларацию о правах человека в исламе 1990 г. и Итоговый документ семинара “Ислам и Всеобщая декларация прав человека” Верховного комиссара ООН по правам человека 1998 г.

С самого своего появления в качестве религиозного учения ислам был призван обосновать основные принципы политического существования мусульманской общины как государственного образования [14, с. 7]. Именно этот факт способствовал сохранению ислама в качестве важнейшего компонента формирования политической мысли, политических доктрин вот уже на протяжении более 13 веков. При этом особый интерес представляет тот факт, что в исламском мире связь религии с политикой на всем протяжении истории была сильнее, чем в других цивилизациях [14, с. 9].

Российский востоковед Е. М. Примаков отмечает: “За исламом стоят 13 веков непрерывного и активного влияния на жизнь общества, специфика ислама заключается в том, что священная книга мусульман — Коран и свод мусульманских законов — шариат содержат принципы, регулирующие не только морально-этические нормы поведения человека в семье и в обществе, но и его личную, хозяйственную и общественную жизнь. В глазах верующих ислам выступает не просто как религиозная система, но и как образ жизни” [8, с. 72].

Идеолог исламского фундаментализма Хасан Аль-Банна писал: “Ислам является властью и практикой, законодательством и образовательной системой, законом и правосудием... Ислам является культом и руководством,

религией и государством, духовной основой и работой, молитвой и джихадом, книгой и саблей. Все это невозможно отделить друг от друга” [15, с. 127]. Развитие истории в ходе XX века сделало общепризнанным тот факт, что религиозные традиции вообще и исламские, в частности, могут быть использованы и используются в различных политических целях. Наглядным примером является политика большинства арабских стран, где после завоевания национальной независимости “исламские принципы стали основой деятельности государственного механизма” [8, с. 74], и “ислам стал важным идеологическим фактором, с которым вынуждены считаться политические лидеры при определении и проведении внутренней и внешней политики” [8, с. 75]. Следует также учитывать существующую неразрывную связь между внешней и внутренней политикой государства. “На формирование и проведение внешней политики оказывает влияние общая ситуация в стране, ее экономическое положение, расстановка классовых и политических сил, степень политической активности широких народных масс, такие субъективные факторы, как личные качества государственных деятелей, а также такие внешнеполитические факторы, как положение государства на международной арене” [16, с. 92].

Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что “многим освободившимся странам (в том числе странам традиционного распространения ислама) свойственна менее выраженная зависимость между внутренней и внешней политикой из-за весьма сильного воздействия на них местных иерархий, националистических и религиозных настроений, из-за несовершенства в большинстве случаев самого государственного механизма принятия внешнеполитических решений...” [16, с. 93].

Таким образом, роль исламского фактора в международных отношениях и внешней политике определяется взаимодействием различных исламских ценностей, включающих в себя исламское законодательство, традиции, обычаи, нравы мусульманских народов, которые находятся в тесном и постоянном взаимодействии с конкретной исторической, политической, экономической, социокультурной практикой этих народов и оказывают существенное на нее влияние [14, с. 41]. Исходя из этого, важно определить, каким должен быть подход к анализу внешней политики арабских стран. В данном контексте наиболее функциональным представляется анализ, опирающийся на концепцию о двух основных этапах внешнеполитического процесса — этапе формулирования правящей элитой основных целей и задач внешней политики и этапе непосредственного претворения их в жизнь. Такой подход используется в работах большинства западных исследователей, занимающихся анализом общих проблем внешней политики и международных отношений [17, с. 14]. Соответственно, роль религиозного фактора — в данном контексте исламского — должна рассматриваться на своего рода теоретическом и практическом уровнях.

При использовании такого подхода к исследованию роли исламского фактора во внешней политике арабских стран возникает необходимость обратиться к доктринальным основам первого этапа — конституциям и законодательным актам арабских государств, рассматривая их с точки зрения

законодательного закрепления ислама в качестве фактора формирования целей и задач внешнеполитического курса. Принимая во внимание различную меру включенности мусульманских предписаний в государственные нормы, а также различия в аспектах внешнеполитического курса, на Ближнем Востоке можно выделить несколько групп мусульманских стран:

1. Нефтяные монархии Аравийского полуострова, представляющие так называемый “исторический центр мусульманского мира” [17, с. 33] — Катар, ОАЭ, Кувейт, Бахрейн, Саудовская Аравия. Во всех этих странах ислам провозглашен основой государственной идеологии, мусульманские институты включены в государственную структуру, монархическая форма правления при практически полном отсутствии легальных политических партий и организаций обуславливает значительную роль монархов в принятии внешнеполитических решений.

2. Страны, развивающиеся по пути рыночной экономики, стремящиеся к интеграции в мировую систему, — Турция, Пакистан, Марокко, Иордания, Египет. Внешнеполитическая линия в основном определяется экономическими интересами, однако в то же время довольно активно проявляется “исламский фактор”. Все государства этой группы играют активную роль в международных мусульманских организациях. В некоторых странах исламские принципы провозглашены основой внешней политики (Пакистан, Марокко, Иордания).

3. “Периферийные” мусульманские государства, экономически зависимые от развитых стран и особо заинтересованные в нефтедолларовой помощи, — Бангладеш, Мальдивская Республика, большая часть субсахарской Африки. Присутствие “исламских элементов” во внешней политике связано как с внутренними факторами, так и с заинтересованностью в помощи более обеспеченных “братьев по вере”.

4. Страны, представляющие “наиболее последовательное антизападное крыло движения исламской солидарности” [17, с. 37], ранее развивавшиеся по социалистическому пути, — Сирия, Афганистан, Йемен.

5. В отдельную группу следует выделить Ливию и Иран как государства, каждое из которых следует собственным “третьим путём”, провозгласив при этом Коран конституцией и опираясь на его предписания во всех сферах общественной и политической жизни.

Итак, в конституциях и законодательных актах ряда арабских государств Ближнего Востока провозглашается необходимость осуществления исламских принципов во внешней политике. Однако, как правило, эти положения носят достаточно общий, декларативный характер, без уточнения конкретных исламских форм дипломатической практики. В большинстве случаев основной упор делается на тезис об исламском единстве. Если же говорить о “колыбели” исламской цивилизации, Саудовской Аравии, то основным законом государства является Коран, определяющий характер государственного, общественно-экономического строя, структуру государственных органов, порядок их деятельности и т. д. Статья 1 принятого в 1992 г. положения “Основы системы власти” гласит: “Королевство Саудовская Аравия — суверенное арабское государство. Его религия — ис-

лам, конституция — книга Всевышнего аллаха и сунна Пророка его, да благословит его Аллах” [7, с. 16]. При этом ни в одном из официальных информационных источников или сайтов министерств и ведомств Саудовской Аравии вы не найдете ни одного упоминания о конкретной внешнеполитической концепции, лишь “стремление внести вклад во благо всего человечества” [18].

Египет, претендующий на роль “центра силы” в арабском мире, в своей конституции также исходит из признания особой роли ислама в общественном развитии. Согласно поправкам, внесенным в Конституцию Египта в 1980 г., статья 2 гласит: “Ислам — государственная религия. Принципы исламского права — главный источник законодательства” [19]. Здесь вы также не найдете ни одной официально изложенной концепции внешней политики государства, видимо, чтобы не ставить в противоречие декларируемые “исламские приоритеты” и реальные внешнеэкономические интересы, в основном связанные с Западом.

В ливийской “Декларации об установлении власти народа” в статье 2 провозглашается, что “Священный Коран является конституцией Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии” [7, с. 19]. В “Зеленой книге” Муаммара Каддафи сказано: “Религия, включающая обычаи, есть утверждение естественного закона. Законы, не основывающиеся на религии и обычае, намеренно создаются человеком против человека и в силу этого — неправомерны” [20, с. 55]. Опять же, ни в “Зеленой книге”, ни в других источниках получить ответ на вопрос, чем руководствуется Ливийская Джамахирия в своей официальной внешней политике, невозможно.

Наиболее четко закреплена роль исламского фактора во внешней политике в конституции Катара: “...государство способствует укреплению уз солидарности с братскими арабскими государствами, стремится к упрочению единства арабской нации, поддерживает усилия для достижения совместных целей”. Кроме того, подчеркивается, что внешняя политика Катара “нацелена на укрепление дружбы со всеми странами, особенно исламскими народами и государствами” [7, с. 24].

Исходя даже из немногочисленных вышеприведенных аргументов ислам, на наш взгляд, является неотъемлемым компонентом формирования внешнеполитической линии арабских государств. Использование норм ислама в качестве доктринальных основ прослеживается на двух основных этапах формирования и развития внешнеполитического процесса. Это в основном зависит от уровня декларированности предписаний ислама в конституциях и других основополагающих законодательных актах. Тем не менее, вне зависимости от вышеуказанной насыщенности законодательной базы исламским компонентом, следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что это лишь символические меры, а на практике арабские государства руководствуются сугубо прагматическими интересами политического и экономического характера.

Концептуальное обоснование двусторонних и многосторонних отношений исламских государств — как между собой, так и с немусульманским

миром, ярче и последовательней всего определено в уставе Организации исламской конференции. Несмотря на широкую представительность организации и более 30 лет существования, ее деятельность до сих пор в основном остается лишь декларативной. В качестве декларированных целей Организации определены, в частности, стимулирование и достижение “исламской солидарности” как базы для построения “исламского государства”, “исламской демократии”, “исламской экономики”. При этом одним из элементов проявления “исламской солидарности” должно стать внедрение “исламской военной доктрины”, представляющей собой толкование предписаний Корана о войне и мире и концепции джихада. Впрочем, и этот аспект до сих пор не нашел своего практического “общеисламского” применения, присутствуя лишь в политике нефтедобывающих стран, являющихся членами Совета Сотрудничества Арабских Стран Персидского (Арабского) Залива.

Таким образом, в результате проведенного в данной статье анализа автор пришел к выводу, что алармистской теории о наличии глобальной “исламской угрозы” миру и международному миропорядку не существует, так как курс, осуществляемый в рамках современной внешней политики государств, претендующих на роль региональных “центров силы” — политических, экономических, религиозных, — демонстрирует, что политика арабских стран определяется не исламом и его предписаниями, а национальными интересами; религия же используется только там, где она может служить дополнительным аргументом в поддержку предпринимаемых руководством этих стран шагов.

Литература

1. Esposito John. Religion and Global Affairs: Political Challenges // SAIS Review. — Vol. 18, N 2. — P. 19–24.
2. Huntington Samuel. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. — 1993, Summer.
3. Вальков Л. В. Саудовская Аравия: нефть, ислам, политика. — М.: Наука, 1987. — 254 с.
4. Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 — конец XX в.) — М.: Кн. дом газ. “Труд”, 1999. — 671 с.
5. Кудрявцев А. В. Исламский мир и палестинская проблема. — М.: Межд. отнош., 1990. — 212 с.
6. Малышева Д. Б. Религиозный фактор в вооружённых конфликтах современности: Азия, Африка. — М.: Наука, 1991. — 256 с.
7. Сапронова М. А. Арабский Восток: власть и конституции. — М.: МГИ(У)МО, РОССПЭН, 2001. — 216 с.
8. Сулимова Т. С. Ислам и национализм в социально-политических концепциях в арабских странах. — М.: Наука, 1989. — 315 с.
9. Ислам в политической жизни стран Ближнего и Среднего Востока / Под ред. Н. О. Оганесян. — Ер.: Изд-во АН АССР, 1990. — 229 с.
10. Коппель О. А. Перска затока: проблеми безпеки у 1980-і роки. — К.: Школяр, 1998. — 200 с.
11. Мирский Г. Так ли уж страшен исламизм для России? // МЭ и МО. — 1995. — № 10. — С. 145–148.
12. Фредерик М. Денни. Ислам и мусульманская община: Религиозные традиции мира. в 2 т. — М., 1996.

13. Жданов Н. Исламская концепция миропорядка. — М., 1991. — 264 с.
14. “Исламский фактор” в международных отношениях в Азии / Под ред. Л. Р. Полонской. — М.: Наука, 1987. — 189 с.
15. Рифаат Ас-Саид. Хасан Аль-Банна. — Бейрут, 1982. — 200 с.
16. Плешов О. В. Пакистан: религия и политика // Восток. — 2000. — № 4. — С. 91–104.
17. Мусульманские страны. Религия и политика / Под ред. А. В. Малашенко. — М.: Наука, 1991. — 181 с.
18. Introduction. Ministry of Foreign Affairs of Saudi Arabia. — www.mofa.sa
19. Ад-Дустур ли Джумхурият Мыср аль-Арабийя. Визарат аль-И лян. — www.sis.gov.eg
20. Муаммар Каддафи. Борьба с терроризмом — общая самооборона // Азия и Африка сегодня. — 2002. — № 11. — С. 61–62.

Мухаммед Абдул Басет,

кафедра міжнародних відносин

Інституту соціальних наук, Одеського національного університету

імені І. І. Мечникова, к. 32, Французський бул. 24/26,

м. Одеса, 65058, Україна,

ВПЛИВ РЕЛІГІЙНОГО ФАКТОРУ НА ЗОВНІШНЮ ПОЛІТИКУ АРАБСЬКИХ КРАЇН

Резюме

Стаття присвячена зовнішній політиці арабських країн, формуванню її основних концептуальних підвалин у контексті принципів ісламу. Автор вказує на необхідність більш детального вивчення впливу релігійного фактору на зовнішню політику арабських країн.

Ключові слова: релігійний фактор, зовнішня політика, іслам, арабські країни.

Mohammad Abdul Baset,

Department of International Relations,

Institute of Social Sciences, I. I. Mechnikov Odessa University,

24/26 French avenue, Odessa, 65058, Ukraine.

THE RELIGIOUS FACTOR AND FOREIGN POLICY ARABIC COUNTRY

Summary

The article is dedicated to the foreign policy of Arab countries, formation of its basic conceptual grounds in the context of its Islamic principle. The author pays attention to the influence of the religion/religious aspect on the foreign policy of Arab countries.

Key words: religious factor, foreign policy, Islam, Arab countries.